

УДК 342

## ПЕРИОД БУРЖУАЗНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КОНСТИТУЦИИ

канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ  
(Полоцкий государственный университет)

*Рассматриваются причины, факторы и предпосылки буржуазных революций XVIII века. Особое внимание уделяется анализу предреволюционной ситуации: политической, экономической, культурной, религиозной, международной. Во французских событиях процесс глубинных преобразований рассматривается параллельно проводимым конституционным реформам. Делается попытка понять механизм якобинского террора, перерождения конституционных идеалов и наступления диктатуры. Объясняется, почему историческая ситуация на североамериканском континенте кардинально отличалась от французской. Показано, каким образом английская политическая традиция повлияла на развитие событий в США и Франции. Делается вывод о совершенно разных основаниях американского и французского конституционализма. Особый акцент делается на личностном факторе, характеризующем заглавные фигуры изучаемой эпохи.*

**Введение.** Грандиозные события во Франции 1789–1799 годов привели к обрушению абсолютной монархии и установлению Республики вследствие непреодолимого конфликта между усложнившимся внутренним миром людей и отсталыми, традиционно-патриархальными связями между ними. Введение гражданства означало закрепление принципа формального правового равенства, отмену сословных и покровительствующих законов. Естественным правам человека придается абсолютное значение. Народ Франции преобразуется в единую политическую нацию. Все это так. Но мы не идеализируем Французскую Революцию и не преувеличиваем значение принятой Конституции. Оказалось, казнить аристократов и клерикалов во имя конституционных идей – вовсе недостаточно для торжества нового строя. Начался революционный террор, в результате которого большая часть феодально-церковной знати была истреблена, а остальные оказались в изгнании. Как это чаще всего происходило, начав с требования свобод и прав, революция быстро скатилась к диктатуре с попранием ранее провозглашенных идеалов. Причин этому множество, и углубляться в них не входит в наш замысел. Фрагментарно отметим наиболее важное. Но прежде – о самой предреволюционной ситуации

**Основная часть.** Достаточно кратко и убедительно канун революции описан у З.М. Черниловского [1, с. 282–283], что позволяет понять причины системного кризиса, предрешенность мятежно-революционных настроений, решимость угнетенных сословий пойти на самые радикальные преобразования, обусловленность буржуазного характера революции.

Итак, на 26 млн. французов к началу революции приходилось (помимо королевской династии) 270 тыс. привилегированных – 140 тыс. дворян и 130 тыс. священников (вместе с монахами). Им принадлежало 3/5 французской земли – в три раза больше, чем 23-м млн. крестьян, ее возделывавших. Ни духовенство, ни дворянство не платили налогов, а если и платили, то ничтожную сумму. Например, в Шампани из полутора миллиона ливров подушной подати дворяне вносили 14 тыс. Основная масса налогов и сборов – а их насчитывали до семи тыс. (!) – падала на крестьян. Из 10 французов 9 голодали или были на грани голода. Вот почему, когда грянула революция, крестьянство приняло ее как избавительницу, помещичья собственность насильственным путем стала переходить в их руки. Крестьяне сжигали дворянские замки, врываются в податные учреждения, уничтожали налоговые документы. Против восставших была брошена армия, вначале королевская, затем – якобинская. Пленных вешали без суда, но успокоения не было. Поэтому в сложившейся ситуации Учредительное собрание занялось «отменой феодализма», и в ночь на 5 августа 1789 года все те повинности крестьян, которые носили название «личных», были отменены навсегда (пешая и конная барщина, пошлина с убоя скота, дорожные пошлины, сбор с ярмарок и т.д.), однако дворянство сохранило главное – землю и поземельные подати. Был, правда, предусмотрен выкуп земли крестьянами, но на условиях единовременной уплаты 30-кратного ежегодного взноса. Эти условия были доступны такому малому числу деревенских богатеев, что никакого серьезного перераспределения земельной собственности создать не могли. Не следует забывать, что как раз таки буржуазная часть Собрания охотно голосовала за кровавые меры подавления крестьянских выступлений против «порядка». Была введена круговая порука при уплате платежей помещикам.

Не лучшим было положение рабочих. Проводя по 14–15 часов у станков на мануфактурах, они едва зарабатывали по 25–30 су в день. На эти деньги можно было купить 10 фунтов хлеба, считая по 3 су за фунт. Когда цена на хлеб подсакивала до 5 су, наступал настоящий голод. Рабочие ничего не получили от революции. Более того, падение заказов на предметы роскоши повлекло за собой кризис парижской промышленности и новые толпы безработных. Для них были открыты так называемые Национальные

мастерские, где за тяжелые земельные работы платили по 20 су в день. Для сравнения укажем, что килограмм хлеба стоил в то время 13 су, а фунт (400 г) говядины – от 7 до 16 су.

Рабочие стали открыто выражать свое недовольство. Учредительное собрание пригрозило им наказанием: кто будет собираться на «скопища» для обсуждения постановлений о зарплате, будет отдан под суд. Полиция имела приказ следить за рабочими: «Подлежат регистрации их жилища, имена и приметы». Буржуазная печать начала систематическую травлю рабочих. «Это поистине дикая орда, – писала газета “Французский патриот”, – перед воротами цивилизованного города». Впервые заявил о себе во весь голос Робеспьер, бывший на тот момент (август 1789 г.) депутатом Собрания: «Париж требует хлеба, но хлеба нет. Поэтому надо учинить кровавую расправу». А слова у него не расходились с делом.

В июле 1791 года Национальные мастерские были разогнаны, а против рабочих выступила Национальная гвардия. Специальное постановление гласило: всякий раз, когда собирается более 15 рабочих, их надлежит разогнать вооруженной рукой. Зачинщики наказуются смертью или тюремным заключением. Солдаты, если они «замешаются в толпу», подлежат расстрелу. Но и те, кому удалось сохранить заработок, получали не более 30 су в день. Первыми поднялись подмастерья-портные, они начали одну из первых забастовок в истории буржуазной Франции. Требования их были умеренными – 40 су в день. Следом потребовали повышения зарплаты остальные, а для обсуждения своих планов рабочие стали собираться на тайные собрания, где и был создан первый профсоюз – «Братский союз рабочих плотничьего ремесла». Обеспокоенные всем этим мастера обратились в коммунальный совет Парижа, а тот в свою очередь – в Учредительное собрание.

Тогда-то и появился на свет печально знаменитый закон Ле-Шапелье (1791 г.). Он воспрещал все формы организации рабочих, в том числе профсоюзы. Тюремное заключение грозило всякому участнику забастовки, а особенно – их организаторам. В то же время закон брал под особую защиту штрейкбрехеров (нем. *streik* – забастовка + *brechen* – ломать [2, с. 739]). Были закрыты все кассы взаимопомощи при полном отсутствии социального страхования. Впоследствии якобинцы не отменили закона Ле-Шапелье. Они даже установили не минимум, а максимум зарплаты для рабочего. Будем помнить и о том, что вплоть до середины XIX века рабочие не выступали как самостоятельная политическая сила, а в рассматриваемый период они еще не выделялись среди остальной массы городского бедного люда – плебса.

Так кто же выиграл от падения монархии и установления нового режима? Ответ однозначен – буржуазия как зарождающаяся мощная социально-политическая группа. Следует, однако, учитывать психологию французского общества. Оно достаточно враждебно и презрительно относилось к буржуа. Безусловное предпочтение перед ним отдавалось обеспеченному и уважаемому положению чиновника. Как пишет В. Зомбарт [3, с. 166], кто только мог, удалялся от деловой жизни и употреблял все свои связи и имущество, чтобы купить себе должность. Иными словами, так называемый «предпринимательский дух» имел невысокую социальную ценность. Перед буржуа стояла вполне определенная задача – сделать профессию коммерсанта, финансиста, биржевика не только выгодной, но и уважаемо-престижной! Мотивация была запретельной, поэтому объяснимо, что руководством революцией оказалось в ее руках – своим выдвижением она обязана богатству, образованию, организации. И не только.

Влияние ее на установившийся порядок вещей становится настолько очевидным, что в поисках положенных дворянам налоговых и прочих привилегий разбогатевшие мещане все чаще сочетались мезальянским браком с дочерьми обнищавших дворян. Им становится тесно, психологически дискомфортно и невыгодно материально при архаичных социальных институтах. Их роль в развитии общества давно переросла их ничтожные юридические права. Но главным представляется следующее. Интересы, которые буржуазия преследовала в революции, затрагивали и другие угнетенные сословия. Например, расширение внутреннего рынка упиралось в натуральное крестьянское хозяйство: надо было ликвидировать феодальные отношения в стране. А в этом были заинтересованы как крестьяне, так и буржуазия. Легко понять, отчего крестьянские сыновья с такой готовностью вливались в ряды революционной армии: им было что защищать! Но когда при якобинцах в деревню были посланы продовольственные отряды для изъятия «излишков», крестьянская Франция запыхалась вооруженным сопротивлением.

Совершенствование производства, свобода предпринимательской деятельности и торговли тормозились мелочной регламентацией, унаследованной от средних веков, цехами и гильдиями, за которые держалась свора чиновников, наживавшаяся на взятках, том единственном средстве, с помощью которого стало возможным обходить нелепые, искусственно придуманные стеснения. В ликвидации закостенелого цехового строя буржуазия видела свою важнейшую цель. Но в этом были заинтересованы и рабочие!

Становясь все более влиятельной силой во французском обществе, буржуазия нуждалась в отмене внутренних таможенных сборов, увеличивавших продажную цену товара, в едином и свободном рынке, единой системе мер, весов, банковского кредита, что предполагает *единую правовую систему*. К тому же буржуазия добивалась контроля за расходованием налогов, участия в законодательстве. Она требовала гласного суда взамен произвола, местного самоуправления взамен экзекуций. Но в осуществлении этих мер были заинтересованы все угнетенные сословия! Своим политическим требованиям буржуазия сумела придать общенациональное значение. Просвещенные, активные, опиравшиеся на наказания своих избирателей, депутаты из третьего сословия (туда переметнулись даже некоторые дворяне и священники,

например, Мирабо и Сийес) смогли захватить руководство революцией и добиться желаемых результатов. Именно поэтому Французскую революцию и называют буржуазной.

Во многом благодаря знаменитой брошюре Эммануэля-Жозефа Сийеса «Что такое третье сословие?», появившейся в свете в январе 1789 года и произведшей колоссальное впечатление на страну, в ней сжато и ясно было сформулировано то, что было, так сказать, разлито во всей Франции и составляло характерную черту предреволюционной эпохи: желание «третьего сословия» выйти из того унижительного положения, в котором находилось оно при старом режиме, и осознание этим сословием – буржуазией – своего значения в государственной и общественной жизни Франции. «В самом деле, – писал В. Богучарский, – разве первые два сословия – духовенство и дворянство – не были в конце XVIII века абсолютными паразитами на народном организме. Разве могло быть сомнение в глазах буржуазии, что именно она является, так сказать, творцом жизни, что в процессе производства материальных и духовных благ ей принадлежит все и вся, что без её капитала, знаний, талантов, энергии Франция никогда не могла бы играть той роли, которую так бесцеремонно приписывали мудрости своего управления её короли, своим заслугам перед Богом – духовенство и уж совершенно перед кем – дворянство» [37].

Едва, однако, осуществилось в полной мере стремление буржуазии стать на место первых двух сословий, едва исчезли сословные перегородки, заменившись юридическим равенством всех граждан, как пали иллюзии благостности для всех знаменитой формулы «laissez faire», обнаружилось новые перегородки, но уже не вертикальные, а горизонтальные, вскрылась явственно классовая структура нового общества, новые социальные группы (рабочие, городская интеллигенция, зажиточные крестьяне) стали предъявлять буржуазии к уплате те самые исторические векселя, которые она предъявила в своей время сословиям «благородным». Как известно из истории, во время революции буржуа проявили себя самым отвратительным образом. Весь смысл реальных событий (Декларация прав человека и гражданина – замечательный документ, только кто ж ее соблюдал), оказывается, состоял в перераспределении капиталов от дворян и духовенства к новой «элите», всевозможным оборотистым дельцам. Коррупция среди депутатов Учредительного собрания достигла невиданного размаха. Вот что пишет Ла Платьер, занимавший в 1791 году кресло министра внутренних дел: «Париж – это всего лишь продавцы денег или те, кто деньгами ворочает, – банкиры, спекулирующие на ценных бумагах, на государственных займах, на общественном несчастье» [4, с. 276]. Жирондисты, партия оголтелых буржуа, исповедовали вариацию английского либерализма, разработанную в ведомстве Дж. Бентама специально для Франции. Даже казнь лидеров жиронды ничего не решила, пути финансовых воротил и находящихся у власти якобинцев разошлись окончательно. По одной из версий, роковой для неподкупного Максимилиана стала затея с национализацией Французской Ост-Индской компании, около четверти акций которой принадлежали британским пайщикам. Чаша терпения в Лондоне переполнилась, стараниями британской разведки лидера якобинцев арестовали на заседании Конвента. Не помог и Культ Верховного Существа – очищенный от многовековых наслоений лжи, цивилизованный и одновременно суровый вариант Христианства с самим Робеспьером в качестве верховного жреца, проводника идей «Гражданственности и республиканской морали». Термидор, Директория, Бонапарт – бедствия Франции только начинались. Никто уже не вспоминал, ради чего все затеялось в 1789 году, воистину – «благими намерениями вымощена дорога в ад».

Остается напомнить, что утверждение новых принципов и форм организации политической власти для французской буржуазии происходило в период, когда это уже имело место на Американском континенте. Разница, безусловно, присутствует. История колоний начиналась при наличии сложившихся в XVII веке элементов капиталистического порядка, феодализма как такового они не знали. Авторитет отцов-основателей для французов был непререкаем. Решительность произведенного государственного переворота вдохновляла реформаторов во Франции. Как пишет В.И. Лафитский, «в этом заключалась особая историческая роль американской революции, прозвучавшей, по словам К. Маркса, «набатным колоколом» для европейской буржуазии» [5, с. 7]. Но события стали развиваться совершенно по иному сценарию.

Революция с Конституцией были призваны кардинально изменить все важнейшие сферы жизни общества. Произошёл полный разрыв со старым порядком, широкие массы населения впервые были вовлечены в вооружённые столкновения с легитимной властью, проекты преобразований носили чрезвычайно абстрактный характер (один только политический девиз Революции «Свобода, Равенство, Братство», исключительно противоречивый по своей сути, чего стоит). Бесконтрольный доступ к ресурсам моментально разложил новую элиту, городские революционеры развязали настоящую войну в сельских регионах страны. Особое внимание обратим на тот факт, что во Франции XVIII века ещё не созрела экономическая основа для столь масштабных преобразований (лишь после июльской революции 1830 года буржуазия навсегда берёт власть в свои руки), поскольку развитие капитализма является обязательным условием для реальных конституционных преобразований.

Большинство исследователей тех событий склоняются во мнении, что Французская Революция с её конституционными идеалами была обречена на поражение. Так писал О. Шпенглер о «спроектированных, а не произросших органичным образом конституциях» [6, с. 439], противопоставляя тем самым французский и английский пути развития. Современный автор И.И. Царьков убеждён, что «Французская

буржуазная революция, в отличие от английской, высветила иные акценты преобразования общества революционным путём. Подготовленная идеями естественного права, революция неожиданно столкнулась с массой экономических и политических проблем, и самая популярная правовая теория того времени – естественно-правовая – оказалась не вполне приспособленной для решения поставленных революционерами задач, опыт реализации её абстрактных положений подорвал к ней доверие. [...] Стремление строителей нового общества сознательно изменить основы общественной жизни столкнулись с «силой обстоятельств», с социальной реальностью, которая оказалась не столь пластичной, чтобы в короткий срок её изменить. Обстоятельства оказались настолько сильными, что цели революции не просто изменились, а превратились в свою противоположность» [7, с. 12].

Можно согласиться с тем, что «во французском конституционализме больше блестящих идей, революционных порывов при сравнительно скромных достижениях в конституционном устройстве государственности и общества» [8, с. 224]. О самомнении и честолюбии французов и говорить нечего. Даже умнейший аббат Сийес отрицает возможность заимствования английской политической традиции, когда в 1789 году пишет о том, что «идеал общественного благородства у нас теперь более правильный, чем был у англичан в 1688 году. Если же мы владеем истинным образцом хорошего, то зачем нам заниматься подражанием копии? Возвысимся сразу до самолюбивого желания стать самим образцом для других народов. [...] политическое искусство в конце XVIII века не должно стоять ниже конца XVII века. Англичане XVII столетия были на высоте эпохи, не отстанем же и мы от своего времени» [37, с. 26].

Но призывы к борьбе за свободу и защиту прав личности обернулись повсеместной борьбой против личности, масштаб которой оказался несравним с теми нарушениями прав человека, которые были инкриминированы якобинцами Людовику XVI во время суда над ним. Практическая реализация доктрины Ж.-Ж. Руссо о народном суверенитете, помноженная на «революционную целесообразность», закономерно привела к диктатуре и наполеоновской империи в итоге. «Идеальные ценности существуют не для того, чтобы господствовать в реальной жизни (что и невозможно). Они существуют для того, чтобы «уравновешивать» ценности реальные, в какой-то степени ориентировать их в сторону идеала, видоизменять и совершенствовать. (...) одержимый манией идеала «здесь и сейчас!» деятель изобретает и пускает в ход прокрустово ложе. [И даже] если самый энергичный оказывается морально безупречен, как условный Робеспьер, то он в бескомпромиссной борьбе за всеобщее счастье так стрижёт головы множущимся врагам, что потом сто лет от крови не отмываться», – умозаключил мудрый М. Веллер [9, с. 309]. Натворил «неподкупный» Максимилиан делов...

История донесла до нас множество документов той эпохи. Двух лет не прошло со дня бесславной кончины Учредительного собрания, год с небольшим миновал после провозглашения лозунга «Отечество в опасности!», а страна уже не похожа на самое себя. Ужасы французского революционного террора описаны в многочисленных исторических исследованиях (скрупулезные ученые подсчитали более 200.000 книг!). Интереснее всего читать письма, дневники и мемуары очевидцев происходившего, цифры говорят красноречивее всего. Вот некоторые из них.

К началу террора было создано 178 революционных трибуналов, из них 40 разъездных – переезжавших из одного населенного пункта в другой, везя с собой сборные гильотины. Суд длился не более пяти минут, после чего все осужденные приговаривались к смерти. В одном из селений 63 женщины были казнены только за то, что участвовали в христианском богослужении. На основе многочисленных законов и декретов (от 2 ноября 1789 г., 13 февраля 1790 г., 24 июня 1790 г., 18 августа 1792 г., 20 сентября 1792 г., 7 мая 1794 г.) [10, с. 3–9] новая революционная власть боролась против религии – в связи с этим в Соборе Парижской Богородицы в один день были казнены 200 специально приведенных туда священников. В другом местечке передвижные трибуналы приговорили к смерти и казнили около 400 детей в возрасте от 6 до 11 лет за то, что это были дети богатых или просто зажиточных людей.

По всей Франции как грибы растут тюрьмы. Оказывается, лучше всего под тюрьмы подходят бывшие дворцы – большие помещения, высокие потолки. В стране уже 44 000 тюрем, и их все равно не хватает. В Париже 12 забитых под завязку тюрем. На фабрике в Медоне из волос гильотинированных женщин делают парики, а кожевенная мастерская в том же городе специализируется на пошиве брюк из человеческой кожи. В Нанте расстреливают до 500 человек в день, а когда закончился порох, комиссары находят выход. Например, 90 священников погружают на баржу, вывозят на середину реки и там затопливают. Связывают попарно мужчину с женщиной и бросают за борт – это называется «республиканская свадьба». В Аррасе депутат Лебон (из интеллигенции) заставляет матерей присутствовать при казне их детей. Вблизи гильотины поставлен оркестр, который после падения каждой головы начинает играть браурную мелодию. В селении Бур-Бедун кто-то ночью срубил местную революционную реликвию – дерево свободы. Узнав об этом, карательный отряд депутата Менье сжигает селение, убивает всех жителей и вырезает всех домашних животных, вплоть до собак. По каналам мятежного Лиона течет кровь, как вода, а река Рона каждый день несет десятки обезглавленных трупов – хоронить некогда.

Революционная пресса неистовствует: «Марат требует 170 000 голов; Колло – от 12 до 15 миллионов; Гюфруа считает, что во Франции было достаточно 5 миллионов жителей и т.д., – это, честно говоря, шутки

газетчиков; но государственные деятели тоже требовательны: Мэнье оценивает число арестованных провансальцев в 9–15 тысяч, его секретарь Лавинь число тех, кому надо отрубить голову, – в 9–10 тысяч, и оба они представляют в Комитет общественного спасения одно и то же основание для введения революционного трибунала на местах: ведь чтобы привести в Париж 15 000 пленников, понадобится целая армия, масса продовольствия, придется организовать этапы, а это большая и ненужная трата людских и финансовых ресурсов.

Комитет соглашается с этими доводами и назначает комиссию Оранжа. Но вот беда: ей удается казнить лишь по 40 человек в день самое большее, всего же получилось 332, за 44 сеанса. Даже в Париже Фукье преуспел не больше: он рад, что достиг цифры в 450 голов за декаду.

Судей и присяжных уже не хватает. Среди них есть такие, которых гильотинируют как умеренных; другие сходят с ума; третьи перед судебным заседанием напиваются; даже Фукье нервничает, ему кажется, что воды Сены стали красного цвета; и, однако, крайне необходимо поддерживать тяжелый труд защиты» [11, с. 200–201] – такие данные дает О. Кошен.

Принимается знаменитый Декрет «О подозрительных». Ими считаются все те, кто своими действиями, сношениями, речами, сочинениями и чем бы то ни было еще навлекли на себя подозрение. В бумагах, найденных после ареста Робеспьера, был обнаружен план, составленный еще Маратом, который предусматривал уничтожение полутора миллионов «врагов народа». Лишь российские большевики сподобились впоследствии на такие жестокости. Наконец, «крещендо нарастает предпоследний аккорд кровавой пьесы – Революция начинает пожирать главных своих палачей» [12, с. 143]. Казнят все больше и больше, а заговоры против республики отчего-то не убывают, а только множатся. Наконец, наступает последний акт большинства революций – диктатура. На политическом небосклоне появляется подающий большие надежды сублильный лейтенант по имени Наполеон...

Не на правах доказательства, а в качестве замечания обратим внимание на тот факт, что неудавшийся конституционализм французской революции имел место в католической, а не протестантской стране. Возвышенные и абстрактно-теоретические идеалы французских революционеров не имели ничего общего с приземленным и практичным протестантским вероучением. Значит, имевшие место события подтверждают правильность формулы «капитализм – протестантство – конституционализм»? Но прежде чем перейти к американскому конституционализму, сделаем необходимый промежуточный вывод.

События во Франции изменили ход европейской истории, а наполеоновские войны смели старые феодальные порядки на всём континенте. XIX век и начало XX века стали эпохой повсеместного крушения феодальных монархий и абсолютистских империй. Их уничтожили перемены в общественных отношениях, новые способы производства и перераспределения товаров и услуг. Но капитализм, как состоявшийся общественный строй, требует стабильности, предсказуемости и порядка, и это веление эпохи возвратило к жизни идею конституции, что и привело в XIX веке к появлению многочисленных конституционных государств. Одновременно набирает силу концепция правового государства, основывающаяся на верховенстве основного закона.

Разумеется, на содержание конституционных идей и их формальное воплощение накладывала отпечаток конкретная социально-политическая обстановка в этих странах, «будь то революционный порыв новых общественных сил во Франции или союз английской буржуазии с дворянством, или борьба английских колоний в Америке против метрополии» [13, с. 32]. Прежде чем выявить идейную направленность американского конституционализма, обратим внимание на ряд важных обстоятельств. В качестве «затравки» – интереснейшее наблюдение З.М. Черниловского: «На разных этапах английской буржуазной революции XVII века то одна, то другая из борющихся партий искала выход в эмиграции. При этом дворяне поселялись на юг от реки Потомак, крестьяне и ремесленники – на север от нее. Соответственно с этим на юге возникали крупные плантационные хозяйства, обслуживаемые руками ирландцев и негров-рабов; на Севере преобладает фермер, ремесленник, торговец, предприниматель.

На республиканском (по духу) Севере получают важное развитие органы самоуправления, чаще всего сосредоточенные в церковном приходе. Уполномоченные от городов и поселков составляют нечто вроде парламента колонии. Он избирал губернатора. На юге (например, в старейшей из колоний – Виргинии) господствовали монархические убеждения; губернатор назначался королем и господствовала англиканская церковь» [1, с. 269]. Это объясняет многое, и вот почему.

Определенный стандарт личной свободы оказался адекватен капиталистическому строю: такая система общественных отношений не может развиваться без лично свободного товаровладельца (будь то владелец рабочей силы или средств производства). Но при этом сама личность и её собственность должны быть обеспечены защитой государства. «Правила игры» должны быть сформулированы на договорной (то есть взаимовыгодной) основе и зафиксированы в документе особого юридического значения. Его и называли конституцией. Конституции, как правило, появляются на пике революционных преобразований, а их буржуазный характер обуславливает необходимость решения важнейшей задачи – легитимации идеи прав человека, в основе которой лежит индивидуализм и персонификация личности. И вот здесь проявляется одно из принципиальных отличий между французами и американцами.

Считается, что французская ситуация развивалась в условиях абсолютной монархии. Это не совсем так, в чем соглашаемся с Э.-Ж. Сийесом: «Мнение, будто во Франции господствует монархический режим, совершенно ложно. Исключите из нашей истории несколько лет царствования Людовика XI, деятельность Ришелье и некоторые моменты из жизни Людовика XIV, когда господствовал чистейший деспотизм, – и вам будет казаться, что вы читаете историю придворной аристократии. Царствовал двор, а не монарх. Двор отдает приказания и отменяет их, назначает и сменяет министров, создает и распределяет посты и т.д. и что такое двор, как не голова огромного аристократического чудовища, опутывающего всю Францию, щупальца которого простираются всюду, захватывая все, и распоряжаются всем существенным в общественном деле? Народ даже отделяет в своих робких жалобах монарха от властей предрержащих. Он всегда смотрел на короля как на человека, кругом обманутого и настолько беспомощного среди всемогущей придворной партии, что никто никогда не думал винить его за все то зло, которое учиняется его именем» [Сийес, с. 9]. Но, как бы то ни было, в силу причин тысячелетней давности здесь всегда было государство и основные проблемы социально-политического характера решались в силу устойчивой политической традиции. Большинство людей работало на чужой земле под властью феодалов и клерикалов, а король выступал своеобразным гарантом сложившихся отношений (не случайно по проекту конституции 1791 года Франция – конституционная монархия). Поэтому подданный мог мыслить о свободе только через государство, с его помощью. Так возникает модель общественного договора, подразумевающая, что подданные будут признавать власть монарха, а тот должен гарантировать их права и свободы. Предполагалось, что такой договор составит основу писаной конституции.

Но, как известно из истории, стремительная радикализация процесса преобразований под влиянием идей Ж.-Ж. Руссо отвергла всякую мысль о возможности внешних ограничений «прав народа», в том числе и при помощи прав человека. Согласно этой доктрине общественный договор обязывает полное отчуждение каждым всех своих прав образуемому в результате такого соглашения сообществу. На место отдельной личности водружается всеохватное сообщество (точнее, государство), отныне являющееся полновластным сувереном. Как пишет Б.С. Эбзеев, этот новообразованный суверен, «объединяя отдельных людей, не имеет и не может иметь интересов, которые не соответствовали бы интересам составляющих его индивидов, следовательно, против этого государства граждане не нуждаются в гарантиях в виде прав» [13, с. 30]. Взгляды Ж.-Ж. Руссо составили основательную базу для различных тоталитарных учений. «Руссо на практике» во многом и предопределил кровавость и безысходность развития революционных событий во Франции, а про высокие конституционные идеалы всякого рода якобинцы, жирондисты и санкюлоты предпочитали не вспоминать. Как верно подмечено, «общепризнанная огромная слабинительность и привлекательность взглядов Руссо [...] едва ли имеет какое-либо отношение к разуму и доказательствам (особенно такая химера, как воля народа, благодаря которой социум выступает как обычное существо, как индивидуум. – А. П.). Но при всех своих противоречиях, призывы Руссо, несомненно, были восприняты, и на протяжении последних двух веков сотрясали нашу цивилизацию» [14, с. 89].

В действительности опыт Французской революции реализовал на практике интеллектуальную модель «естественного состояния» Т. Гоббса, объясняющую причины «войны каждого против каждого». Поэтому вряд ли можно согласиться с тем, что эта революция показала, как «сторонники прогрессивной идеологии могут превратиться в реакционеров, в противников своих же собственных идей» [7, с. 14]. В чём же доктрина Ж.-Ж. Руссо является прогрессивной идеологией? В соответствии с философией Руссо, указывает английский правовед Д. Ллойд, «любой демагог, захвативший власть, мог провозгласить, что представляет «общую волю» и таким образом утвердить своё правление. Более того, даже при должным образом организованном демократическом правлении философия Руссо на самом деле означает всего лишь тиранию большинства: остающихся в меньшинстве недовольных, в соответствии с достаточно зловещим высказыванием Руссо, необходимо «заставить быть свободными». Кроме того, в его доктрине не нашлось места для наделения естественными правами отдельных граждан с тем, чтобы защитить их от власти самого государства» [15, с. 97]. Ни при каких обстоятельствах тоталитарное в своей основе учение не может быть реализовано в конституционной практике государства, что наглядно продемонстрировала европейская история.

Здесь обратим внимание на тот факт, что любые тоталитарные по своей сути доктрины имеют в своей основе социалистические идеи, пагубные для нормального общества. Помимо их экономической несостоятельности и политического прожектерства важно выделить психологические и моральные аспекты, блестящий анализ которых осуществлен Ф.-А. фон Хайеком: «Люди, предъявляющие претензии по поводу своего «отчуждения» от того, о чем они, по всей видимости, так и не получили правильного представления, люди, предпочитающие жить как тунеядствующие изгой и питаться плодами процесса, ими никак не поддерживаемого, – вот истинные сторонники призыва Руссо о возврате к природе. Главным источником зла они провозглашают те институты, которые сделали возможным формирование порядка человеческого взаимодействия» [14, с. 260]. «Люди, зарабатывающие себе на жизнь созданием идей и символов, – уверен М. Новак, – просто очарованы ложью и абсурдом и чувствуют себя так, будто их миссия состоит в том, чтобы навязывать их несчастным согражданам» [16, с. 26]. Увы, проповеди

«руссоизма» самым кровавым образом отозвались в XX веке. Очевидные пороки социалистических учений упорно не замечают. Целые нации, словно безумное стадо, бросались в эту пропасть. Миллионы людей забыли, что здравый смысл и ясное мышление – первейшая моральная обязанность.

Всё происходило иначе на Североамериканском континенте, где историческая ситуация в конце XVIII века кардинально отличалась от французской. Очень образно, но в то же время точно её описал известный польский общественный деятель и правозащитник М. Новицкий: «Само слово «Свобода» по-разному воспринимается в Европе и в Америке. В Америке были огромные прерии, реки, где можно было намывать золото, и достаточно было поставить два камня и сказать: «Это моя земля, здесь я ищу золото». И так со всем остальным. Перед людьми были невиданные перспективы. Для лучшей организованности они создали государство, но с минимальными функциями (армия, шерифы, судьи). На большее оно не нужно. Каждое его вмешательство ограничивало бы свободу человека и его возможности, то есть американцы в то время думали про *свободу от государства*: «Пусть государство защищает меня от преступника и дальше не суётся». [...] Если выясняется, что власть плохо нам служит, мы выбираем новую» [17, с. 13, 14]. Действительно, многие исследователи американского конституционализма подчёркивали значимость географического, климатического, экономического факторов. Добавим сюда предпосылки идеологического, религиозного и психологического характера. В целом вырисовывается следующая картина.

Основание первых колоний на атлантическом побережье Северной Америки относится к началу XVII века. Огромные пространства Нового Света, неразвитость транспорта и отсутствие сколь-нибудь цельного плана освоения новых земель обусловили появление не одной, а нескольких колоний. К середине XVIII века английские колонизаторы вытеснили из этого региона основных конкурентов – Голландию и Францию, и стали полновластными хозяевами обширных неосвоенных территорий. Местное индейское население вообще не считалось людьми и поэтому безжалостно изгонялось со своих мест либо уничтожалось. Государственность зарождалась, по сути, на пустом месте. Устанавливался новый порядок, основанный на идеях, которые никогда ранее в человеческой истории не были реализованы. Этот инновационный путь развития означал прежде всего подъем предпринимательского духа, интерес к делу, охоту к работе, увлечение техническими новшествами. Несколько наивное, но по сути справедливое замечание принадлежит В. Зомбарту: «Элементы капиталистического духа были свойственны американской народной душе с тех пор, как основаны колонии, и тогда еще, когда этому духу не соответствовало никакого «тела», то есть никакого капиталистического хозяйственного устройства» [3, с. 177]. Нелишне напомнить, что все без исключения выдающиеся организаторы американского общества в первую очередь занимались экономическими, а не сугубо политическими проблемами.

«Исключительно благоприятный для ведения сельского хозяйства климат, обилие плодородных земель и полезных ископаемых, высокая активность поселенцев, которую не сдерживали пути феодальных отношений, – всё это привело к тому, пишет В.Н. Левченко, что экономика колоний непрерывно развивалась» [18, с. 215]. Немаловажен фактор, отмеченный И.Л. Солоневичем: «... безопасность САСШ [...] была гарантирована океанами и проливами. [...] Американская свобода, как и американское богатство, определяется американской географией...» [19, с. 45]. Действительно, в период борьбы за независимость Американской конфедерации реально могла противостоять только Англия, а переправка войск в Северную Америку была чрезвычайно затруднена. Причём в Европе не вызывало сомнений, что Лондон рассматривал колонии исключительно как источник доходов, то есть как объект эксплуатации. Поэтому по своему характеру война за независимость со стороны колонистов была справедливой и освободительной и не могла не дать мощный толчок развитию демократического процесса.

Во Франции всё происходило в другом русле. После радикализации событий и массового террора вся Европа настороженно следила за ситуацией на родине конституции. По мнению И.И. Царькова, Европе «несомненно волновало отношение революции к религии, к нормам международного публичного права и особенно – отношение к Людовику Капету. Судебный процесс над Людвигом продемонстрировал, что многочисленные защитники короля оказались более последовательными приверженцами естественных правовых идей, нежели революционеры радикалы» [7, с. 14]. Не следует забывать и о том, что Конвент принял декрет, в соответствии с которым революция обязуется поддерживать любую нацию, которая желала бы сбросить с себя старые оковы, то есть открыто провозгласила принцип вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Фактически революционная Франция заложила мину замедленного действия под основы европейской политики, настроив против себя все ведущие державы. По сути, такая Франция с её «прогрессивными» конституциями была обречена на войну со всей европейской коалицией, что впоследствии и произошло. Не случайно, отмечает Ж.-Б. Дюрасель [20, с. 99], при заключении в 1815 году «Священного союза» Россия, Англия, Австрия и Пруссия полагали, что потенциальная угроза в Европе может исходить прежде всего от Франции, и именно против нее создавалась эта организация (не стоило сбрасывать со счетов и реваншиста Наполеона Бонапарта). Политический и экономический изоляционизм долго сказывался на развитии страны, Франция также понесла территориальные потери, претерпела новые революционные потрясения в 1830, 1848 и 1870 годах. Лишь германский милитаризм второй половины XIX века реанимирует Францию как одну из ведущих европейских держав.

Однако эпоха Французской революции стала для Европы (да и всего мира) переломной. Больше не было возврата к сословным, феодальным, абсолютистским порядкам. Был изобретён новый тип политического дискурса и практики. В формирующихся буржуазных государствах торжество принципов равенства, свободы и братства на основе общего политического волеизъявления стало пониматься как базис единства всего общества. «Нация – народ» как новая политическая реальность вытеснила на второй план прежние общественно-нравственные авторитеты: монархию и церковь. «В самом деле, что такое нация? Общество людей, живущих под общим законом и представленных одним законодательным учреждением», – четко сформулировал Э.-Ж. Сийес [37, с. 6]. Светский и национальный характер государства предопределяет основы его развития. Содержание французских конституционных актов изучается в других странах по сей день: «Конституционное право Французской революции должно быть для всех изучающих публичное право тем, чем римское право является для изучающих гражданское право. Любая цивилизация опирается на римское право, любой политический каркас современных народов проистекает из документов, мысли, духа Французской революции» [21, с. 21]. Это выражение принадлежит Миркину-Гецевичу, юристу и ученому, эмигрировавшему во Францию после большевистского переворота. Он верно заметил, что конституционное право Французской революции наиболее точно отражает «политические судороги» тех лет.

Интеллектуальные последствия Французской революции для европейского мышления О. Забужко сформулировала следующим образом: а) она утвердила суверенитет личности в обществе (правовая и рациональная идея гражданства была самой глубокой идеей революции); б) поставила на повестку дня вопрос внедрения мировоззрения нового типа – национального мировоззрения; в) дала толчок для создания наций на остальных частях Европы (цит. по: [22, с. 65]). Можно сказать, что для европейской цивилизации начался новый отсчёт, где революциям и конституциям было несть числа. Как пишет Э. Смит [23, с. 12], хоть Французская революция была не первым проявлением новой «национальной» эпохи, она была первым историческим событием, когда объединённые граждане действовали сообща в пользу «нации», а не династии. Впервые граждане стремились распространить единую культуру и язык на все регионы своей страны, сломать между ними барьеры, состояться единой нацией, преданной единой идее. Можно сказать, что впервые ясное формулирование национальной идеи произошло именно во Франции в период революционных и конституционных преобразований.

Правовую оценку в блестящем стиле дал Раймон Леже [36, с. 34]. Он пишет о том, что объединение права во Франции восходит к революции и империи, оба режима неразрывно способствовали этому единению: революция, принимая новые принципы, Наполеон Бонапарт, осуществляя выдающуюся кодификацию. Ученый не соглашается с тем, что законотворческую деятельность периода революции часто обозначают словосочетанием «промежуточное право», так как в действительности революция дала долговременный импульс праву. Кроме того, в это время был совершен окончательный разрыв с прежней системой. В революционных действиях Р. Леже прежде всего подчеркивает разрушительный аспект. Институты прошлого, символизирующие произвол, привилегии и жестокость, были аннулированы в масштабе страны: прежняя система правосудия была разрушена, феодальные сборы отменены, цеховые организации расформированы и запрещены. В то же время новые идеологические основания, почерпнутые у философов, стали принципами законодательства: только закон может ограничить свободу граждан, равенство должно быть освящено всеми гражданскими институтами, включая как правовое положение лиц, так и имущественные права. Таким образом, право обрело новое политическое и философское содержание, оно стало пониматься как способ защиты свободы и равенства граждан, стремящийся урегулировать их отношения с точки зрения справедливости, примиряя интересы государства и частных лиц.

Возвращаясь к истокам американского конституционализма (что очень важно, зарождался он с основами новой государственности), необходимо обратить внимание на идеологические и религиозные факторы, во Франции места не имевшие. Однако установить их возможно только через связь с метрополией и пониманием рецепции английского права.

Повсеместно в литературе подчёркивается, что перестройка государственных и общественных институтов в конце XVIII века происходила на основе политического течения, сформировавшегося под влиянием идеалов Просвещения и естественного права. Эти направления человеческой мысли тесно связаны друг с другом, но тем не менее между ними не поставишь знак тождества (хотя бы потому, что зародились они в разные исторические периоды). Дело в том, что в своей политической аргументации одни представители Просвещения чаще прибегали к аргументам гуманитарного плана (Ш.-Л. Монтескье, Х. Вольф, Ч. Беккариа), а другие (Ж.-Ж. Руссо, К. Гельвеций, Г. Бабёф) предпочтению отдавали эмоциям. В результате сформировались сильно отличающиеся друг от друга идейные течения.

В части рассмотрения проблем политики и юриспруденции их можно охарактеризовать следующим образом. В первом, умеренном варианте, обнаруживаются сторонники компромисса и постепенных общественных преобразований. Например, Ш.-Л. Монтескье призывал правящий класс лишь потесниться и дать возможность третьему сословию занять достойное положение в государственной системе на основе прин-



ципа разделения властей. Во втором же случае радикалы типа Ж.-Ж. Руссо, сторонники народного суверенитета, остро ставили проблему социального неравенства и превозносили идею абсолютизации общей воли. Они являлись сторонниками революционных преобразований. Одни предлагали относиться с уважением к привилегиям и традициям, допуская рассредоточение власти между различными органами и социальными слоями. Вторые настаивали на безраздельном суверенитете народа, господстве общества (не обязательно состоящего из юридически равноправных граждан) над правами человека, конкретной личностью.

Различия этим не исчерпываются, мы лишь подчёркиваем наиболее важные положения. Если рассматривать не только теоретические разночтения, но и практическое влияние идей на развитие событий, можно констатировать следующее. Во Франции, например, якобинцы именно Ж.-Ж. Руссо считали своим учителем и идейным вдохновителем, оправдывая диктатуру учением о народном суверенитете и общей воле. Призывы к революции, к массовым действиям, к свержению тирании посредством народного восстания упали на благодатную почву. Массовый террор вызвал ужас у всей Европы, и со стороны ситуация получила заслуженный диагноз – всеобщее сумасшествие.

По мере того как революционный террор нарастал, пожирая все большее количество врагов революции, а с ними и тех, кто просто стоял рядом или вообще проходил мимо, французское общество охватила самая настоящая кровавая вакханалия. Безумие, по-иному и не скажешь: «Как еще назвать то обстоятельство, что станок для казни вошел в моду. Как вам заколки или броши в виде изысканной золотой гильотинки, за производство которых взялись парижские ювелиры? Как вам аналогичные пирожные, выпекавшиеся кулинарами? Вам бы, друзья, такое полезло бы в рот? А ведь французам конца XVIII столетия лезло...» [4, с. 289]. Кстати, именно тогда перепуганные насмерть современники, то есть кому посчастливилось избежать смерти и не утратить здравого смысла, заговорили о некоей «темной могущественной силе», стоявшей за спинами якобинских палачей. Все может быть. История французской революции насквозь пронизана мистикой и самой откровенной дьявольщиной. Сен-Жермен, Филипп Эгалите, маркиз Лафайет, барон де Батц, Марат, Робеспьер – абсолютно загадочные и зловещие фигуры. В научных исследованиях чего только не сказано, любителям тайн и драматических сюжетов лучше обратиться к конспирологии.

«Произошёл взрыв, сообщивший лозунгам Просвещения живой образ, связавший доблесть со страхом, а свободу с деспотией» – блестящая оценка О. Шпенглера [6, с. 437]. Писатель Фр. Шатобриан, современник революции и её консервативный критик, явился автором заключения, которое разошлось на века: «Патриции начали революцию, плебеи довели её до конца». Известное высказывание М. Робеспьера «Революционное правительство – это деспотизм свободы против тирании» не имел ничего общего с конституционными лозунгами. Директория и бонапартизм поставили точку в развитии событий. Французская Революция, писал Ян Башкевич [24, с. 112], начатая во имя свободы, сферу этой свободы сначала необычайно расширила, а потом brutally сократила.

Не оспаривая значения конституционных лозунгов Революции, французский опыт грандиозных общественных преобразований следует признать неудавшимся. Разрыв между теорией и практикой оказался колоссальным, обнаружилось явное противоречие между реальной политикой и мечтаниями на почве абстрактных истин. Почему так произошло? Выдвигаются самые разные версии (Э. Бёрк [25], Т. Карлейль [26], А. Матьез [27] и др.), предлагается принимать во внимание те или иные факторы (на многих мы сделали акценты), но попытаемся дать объяснения в сугубо конституционном ракурсе.

Все без исключения революционные идеи Франция переняла от Англии, точно так же как она восприняла от Испании стиль абсолютной королевской власти. И тому и другому было придано блестящее и соблазнительное оформление, ставшее образцовым далеко за пределами континента. Для представителей Просвещения, находящихся в непримиримой оппозиции к власти, «государственный строй Англии рассматривался в качестве образца для подражания, и поэтому [они] считали себя обязанными съездить в Англию, чтобы своими глазами увидеть и изучить строй страны, которая с точки зрения господства права являлась образцом для других стран», – пишет Э. Аннерс [28, с. 264]. Начиная с Ш.-Л. Монтескье [29, с. 138], английские политические институты почитались как наиболее совершенные, однако попытка их «копирования» на континенте завершалась полным провалом. По этому поводу необходимо разъяснить следующее.

В Англии, в отличие от Франции, не было абсолютной монархии, там много столетий утверждалась сословная политика. Зародившийся в XIII веке парламентский стиль следует признать элитарным, а не демократическим. По сути, всю свою историю Англия придерживалась эталона кабинетной дипломатии, аристократической и «благородной» по определению. А это значит, что к руководству страной не могли прийти случайные люди. Высшая знать самым жестоким образом пресекала все попытки «третьего сословия» претендовать на политическое влияние. Очень быстро Англия становится заглавной фигурой мировой политики. Дипломатическое искусство и мощная шпионская сеть становятся ее визиткой на все времена. Гениальный Вальтер Ратенау был точен в оценках: «Только 300 человек, каждый из которых знает всех остальных, управляет судьбами Европы. Они выбирают своих наследников из собственной свиты и держат в руках средства, достаточные, чтобы покончить с любым государством, которое они сочтут «неразумным» [4, с. 135]. Класс олигархов и политическая власть быстро поняли друг друга.

Монарх с момента подписания Великой Хартии вольностей никогда не являлся средоточием государства (вспомним Людовика XIV с его общеизвестным «Государство – это Я»). То, что в Англии называли оппозицией, представляло собой лишь позицию одной из партий знати, когда правительством руководила другая. Иными словами, политическую ситуацию в Англии можно охарактеризовать как сословное господство старинно-аристократической элиты под покровительством династии. На деле это приводит к тому, что «в её среде накапливается и передаётся по наследству драгоценный управленческий, полководческий и дипломатический опыт, а руководство государством рассматривается как единственное соответствующее сословию призвание и преемственное преимущественное право» [6, с. 434]. Столь точное наблюдение О. Шпенглера было сделано им в отношении Республиканского Рима IV века до н.э., но как идеально оно подходит для характеристики политической традиции Средневековой Англии!

Правда, может возникнуть закономерный вопрос: какое место в общественной структуре Англии играла буржуазия, ведь дух предпринимательства, торговли, свободных форм экономики для этой страны был свойствен, как никакой другой? Дело в том, что буржуазия на Европейском континенте концентрировала свои усилия на борьбе с абсолютным государством, но в Англии как раз таки эффективно функционировало сословное государство, то есть разрушать его было незачем. Необходимо было лишь занять свою нишу. Экономика, как известно, не заинтересована в социальных потрясениях. Поэтому представители капитала имели все возможности встроиться в органичный уклад государства, а парламентаризм этому только способствовал.

В лучших традициях Древнего Рима и Венецианской Республики образуется взаимовыгодная «спайка» светской знати и торгово-промышленных воротил. Понятиям, лозунгам и идеалам не придаётся никакого практического значения, во всём сквозит рационалистический дух (если присмотреться, во всех войнах Британии – явный экономический смысл). Духовная свобода и свобода предпринимательства позволяют реализовать себя в общественной жизни и в экономике. Но не всем. Сложившаяся новая элита отстранила плебс от участия в принятии политических решений банальным, но действенным способом: имущественным цензом на выборах. Продуманный и апробированный политический курс вкупе с финансовой подпиткой торгово-промышленной элиты (ей законным путём были созданы все условия для экономического процветания) во многом и предопределил последующее мировое господство Британии. Имели место и иные факторы, о которых – в общих чертах во избежание погружения в интереснейшую тему.

Британия – величайшая колониальная империя на свете, Лондон – сердце международной капиталистической системы. Королевский флот не имел себе равных, фунт стерлингов – мировая валюта. Ост-Индская компания служила колониальной империи чем-то вроде стенового хребта. Аккумуляция банковского и финансового капитала (еврейского по происхождению – Бэринги, Ротшильды и пр.) предполагала всячески искать новые рынки сбыта для британских товаров в рамках объявленной Туманным Альбионом политики свободной торговли. Продолжался открытый грабёж богатейших колоний. Ну а за тем, чтобы все так и оставалось в дальнейшем, днём и ночью приглядывали две могущественные структуры – британская разведка и британская дипломатия. К чему людские потери, траты на снаряды и пули, если гораздо разумнее подорвать государство изнутри? Во всех серьезных смутах и революциях Нового Времени – английский след так называемой стратегия «непрямых действий», загребания жара чужими руками. Британия, хотя и называлась монархией, была, по сути, олигархической республикой, основу которой всегда составляют власть денег, конспирология, реальная политика. Это потрясающе эффективный проект! В XX веке он один к одному был воспроизведен в США.

Теперь понятно, почему Англия столь успешно пребывает всю свою историю без какой бы то ни было писаной конституции. Во всяком здоровом государстве буква писаной конституции имеет меньшее значение в сравнении с собственно конституционной традицией. Практические дела, устойчивые политические традиции и опыт стоят куда больше, чем лозунги и фразы, прожекты и идеалы. Глубоко по существу проблемы отозвался Ф.-А. фон Хайек: «Предварительное формирование некоего порядка или схемы в человеческом уме, или сознании, отнюдь не является лучшим, а напротив, это худший способ установления порядка. Ведь ум – это всегда лишь малая часть общей системы, и он в состоянии отразить только некоторые черты последней. Насколько маловероятно, что человеческий ум способен вообще когда-либо полностью объяснить себя, настолько же маловероятно, что он способен объяснить или предсказывать результаты взаимодействия огромного количества умов» [14, с. 138]. Блестяще сказано! Очевидно, что конституционная традиция Англии выигрывает во всех отношениях против многочисленных доктринёрских конституций Франции. Не случайно история Английской революции складывалась иным образом, нежели Французской, она не дошла и близко до тех крайностей, которое пережило французское общество сто лет спустя. Вывод о необходимости политического компромисса как базового условия развития общества ещё более укрепил позиции «неписаной» английской конституции. Именно сопоставление французского и английского опыта позволяет понять истоки и смысл американского конституционализма.

Здесь пристальное внимание обратим на упомянутый религиозный фактор. Дело в том, что изначально в Северную Америку эмигрировал наиболее активный элемент европейского общества, предпо-

читавший тяжёлую, но свободную жизнь в Новом Свете безысходному прозябанию в феодальной Европе. Основной поток первых переселенцев шёл из Англии, Шотландии, Ирландии (редкое католическое исключение, но среди них большинство – шотландские переселенцы), а также из Голландии и западных провинций Франции, населённых гугенотами. Несколько позже начался отток из германских и скандинавских государств. С конца XVII века начинается активный приток иммигрантов-евреев. Но религиозного единства среди колонистов не было. Скорее, можно говорить о том, что Европу покидали люди мятежные, со слишком ярко выраженной индивидуальностью, несогласные жить по существующим порядкам. Это убедительно показывает Л.Н. Гумилев на одном лишь английском примере: «В начале XVII в., еще до революции, туда на корабле “Мэйфлауэр” переправилась группа гонимых в Англии пуритан и основала колонию Новая Англия. После этого все неудачники стали переезжать в Америку и основывать там колонии. Католики основали там колонию Мэриленд, названную в честь Марии Кровавой; сторонники Елизаветы основали Виргинию (*virgo* – значит “девственница”, девственная королева); сторонники Стюартов – Каролину; сторонники Ганноверской династии основали Джорджию (короля звали Георг), баптисты – Массачусетс; квакеры – Пенсильванию; все группы населения, которые оказывались гонимыми в Англии, уезжали туда» [30, с. 227]. Только в США евреи избавились от дискриминации, став полноценными гражданами единого сообщества.

Основная масса колонистов исповедовала протестантизм с его культом труда и предприимчивости, хотя в некоторых штатах были сильны позиции и официальной английской церкви. Не случайно одним из источников напряжённости стал идейный и политико-организационный конфликт между англиканской церковью и протестантскими общинами. Протестанты-пуритане обвиняли англиканскую церковь в том, что она всё ещё не избавилась от многих пороков римско-католической церкви, отрицательно относились к показной роскоши в быту и церковных обрядах, в то время как сами практиковали скрупулёзное соблюдение заповедей бережливости и воздержанности. Изучая историю вопроса, П.И. Новгородцев точно подметил: «Новая англиканская церковь не так уж была далека от католической [...]. Это был скорее католицизм без папы, чем настоящий протестантизм» [31, с. 103]. Протестанты-пуритане (от латинского – «чистый», «истинный») рассматривали Америку «землёй обетованной», где можно было бы жить в полном согласии с заповедями первых христиан, что было невозможно на оставленной родине. Не соглашались они и с кальвинистскими принципами церковной организации (синоды, пресвитеры), поскольку те не основывались на Священном Писании.

Сами пуритане полагали, что общность веры некоторого числа людей, живущих по соседству, – достаточное условие для объединения в церковную общину, где единственным духовным авторитетом может быть только Христос. Вступить в такую общину (конгрегацию) возможно лишь на добровольных началах – достаточно заявить о желании стать её членами и признать взаимное соглашение о вере (ковенант). Все должности (пастор, староста) были избираемыми. Радикальные пуритане исходили из того, что сама принадлежность к церкви является своего рода предопределением к спасению, ступенью к «очищению». К слову, понятие пуританизма мы используем в том значении, которое оно обрело в повседневном языке XVII века. Охватывались им, по мнению М. Вебера [32, с. 208], все аскетические по своей направленности религиозные движения Голландии и Англии независимо от их догматических положений и программы церковного устройства, то есть «индепенденты», конгрегационалисты, баптисты, меннониты и квакеры.

Понять происходящее невозможно без уяснения идеологии протестантов. Она очень неоднозначна и действительно радикальна, о чем убедительно пишет И.Р. Шафаревич [33, с. 332–333]. Вот ее основные постулаты. Например, учение Кальвина утверждало, что еще до сотворения мира Бог предопределил одних людей к спасению, других – к вечной гибели. Никакими своими делами человек не может повлиять на это уже принятое решение. Избраны лишь немногие: крошечная группа «святых» в греховном, страждущем и обреченном на вечные муки человечестве. Но и «святых» недоступна никакая связь с Богом, «ибо конечно никогда не может соприкоснуться с бесконечным». Их избранность проявляется лишь в том, что они становятся орудием Бога, и тем вернее их избранничество, чем эффективнее они действуют в сфере их мирской активности, откинув попытки понимания смысла этой деятельности.

Это поразительное учение, собственно, новая религия, создавало у «святых» ощущение полной изолированности, противопоставленности остальному человечеству. Центральным их переживанием было чувство избранности, они даже в молитве благодарили Бога, что они не такие, как «остальная масса». В их мировоззрении колоссальную роль играла идея эмиграции. Отчасти из-за того, что начало движению пуритан положила группа протестантов, бежавших от преследований в период католической реакции Марии Тюдор: в состоянии полной изоляции, оторванности от родины, они под влиянием учения Кальвина заложили основы теологии и психологии пуританизма. Но отчасти и потому, что даже вернувшись в Англию они по своим взглядам оставались эмигрантами, чужаками. Излюбленным образом их литературы был странник, беглец, пилигрим.

Узкие общины «святых» постоянно подвергались очищениям, отлучениям от общения, охватывавшим иногда большинство общин. И «обреченные», согласно взглядам пуритан, должны были быть

подвергнуты дисциплине их церкви, причем здесь вполне было допустимо принуждение. Пропасть между «святыми» и «обреченными» не оставляла места для милосердия или помощи грешнику – оставалась только ненависть к греху и его носителю. Особым предметом обличений и ненависти пуританской литературы были крестьяне, потерявшие землю и толпами отправляющиеся в город в поисках работы, а часто превращавшиеся в бродяг. Пуритане требовали все более и более строгих законов: превозносили порку, клеймение раскаленным железом. А главное – требовали защиты «праведных» от соприкосновения с нищими бродягами. Именно из духа пуританизма в XVIII веке возникла страшная система «работных домов», в которых бедняки находились почти на положении каторжников.

Литература пуритан стремилась оторвать «святых» от исторических традиций (которые были традициями «людей мира»), для «святых» не имели силы все установленные обычаи, законы, национальные, династические или сословные привязанности.

Как утверждает Макс Вебер [32], реальная роль кальвинизма в экономической жизни заключалась в том, чтобы разрушить традиционную систему хозяйства. В английской революции его решающая роль состояла в том, что, опираясь на пуритан и еще более крайние секты, новому слою богачей удалось опрокинуть традиционную монархию, пользовавшуюся до того поддержкой большинства народа.

Поэтому не случайно пуритане подвергались гонениям со стороны королевской власти и англиканской церкви, многие общины были вынуждены скрывать свои взгляды и обычаи. Именно они под именем «отцов-пилигримов» составили Ковенант (соглашение), которое впоследствии в годы войны США за независимость было издано большим тиражом, а после принятия Конституции американские политики рассматривали Ковенант первоисточником конституционной истории, первым опытом и образцом составления общественного договора об образовании государства, его организации и деятельности. На любопытный факт обращает внимание Патрик Дж. Бьюкенен: «Первые поселения в Америке основали протестанты. Евреи и католики составляли тогда крохотные меньшинства. Когда автор этих строк ходил в 1940-х годах в приходскую школу, монахини с гордостью рассказывали о том, что один (!) из пятидесяти семи человек, подписавших Декларацию независимости, был католиком – Чарльз Кэрролл из Кэрроллтона, штат Мэриленд» [34, с. 249]. То же можно сказать и о «религиозном составе» отцов-основателей Американской Конституции. И еще. Если в континентальной Европе антиклерикализм и враждебность по отношению к традиционной религии были всеобщими (особенно ярко это проявилось во Франции), то в странах, населенных англосаксами, критиковали не религию как таковую, а религиозный истеблишмент.

Однако подобное истолкование корней американского конституционализма не лишено известных натяжек и противоречий, что отмечает В.Г. Графский [35, с. 371]. Дело в том, что переселенцы совсем не помышляли отвергать власть английского короля или объявлять о своей независимости по отношению к метрополии или лондонским купцам, с помощью которых они смогли покинуть Европу. В самом соглашении цель прибытия связывалась с основанием колонии в северной части Виргинии «во имя Бога, распространения христианской веры, ради чести нашего короля...» [13, с. 93]. Но дух свободного континента разительно отличался от консервативных устоев острова-метрополии.

Либеральная демократия, имевшая место в Англии и США, сформировалась и установилась совершенно разными путями. В Англии демократический режим развивался постепенно, король шаг за шагом утрачивал свои прерогативы, но к XVIII веку стали очевидными такие ценности, как парламентское представительство, разделение властей, независимые суды, свобода слова и печати, рыночная экономика. Все это признаки либерального устройства. Постепенное превращение в демократический режим давалось очень медленно, благодаря расширению избирательного права (последние цензы были ликвидированы только в 1948 г.) и развитию конституционной практики. Американский же опыт совсем иной: «власть уже принадлежала народу, когда в 1787 году законодатели собрались в Филадельфии. Перед американцами стояла задача не ослабить королевскую власть, как это было в Англии, но организовать власть народную. Американский режим родился современным. Таковым он был замыслен и установлен», – отмечает А.А. Арутюнян [38, с. 8]. Пожалуй, только в данном случае можно усмотреть в американской революции элементы «французского» рационалистического подхода, органичным образом наложившегося на «английское» эмпирическое мировоззрение. Как бы то ни было, спустя два века после своего рождения основанное на совмещении этих двух традиций американское государственное устройство выглядит прочным и эффективным. Отцы-основатели, размышляя над фундаментальными проблемами политической философии, отчетливо осознавали, что делали.

Блестящая трактовка событий Л.Н. Гумилева [30, с. 228], переданная в форме заочного диалога колонии и метрополии, такова: «... колонисты вовсе не хотели отделяться от Англии, которая их выгнала, которая их преследовала; которая привязала их учителей к позорному столбу, и тех забрасывало грязью простонародье; где их сажали на галеры, или в тюрьмы, или ссылали на каторгу. Тем не менее они совершенно не хотели отделяться от Англии. Они только требовали себе равных прав с англичанами, то есть представительства в парламенте, и соглашались платить все налоги, которые платят англичане. А от чего им было не платить – денег у них было много.

Но англичане из-за своего традиционализма сказали: «Нет, у нас есть определенное количество графств, которые присылают определенное количество депутатов в парламент, и менять это незачем. Раз вы уехали, так там и живите».

«Да, – говорят колонисты, – но, согласно вашим же английским законам, платить англичанин может только те налоги, за которые проголосовал его представитель, а у нас нет представителя; значит, вы с нас не можете брать никаких налогов».

Англичане говорят: «Да! Но мы же вас защищаем от французов, от испанцев, от индейцев».

Колонисты отвечают: «Ну и что! Вы обязаны нас защищать, мы ваша страна, а платить мы можем только то, за что проголосуют наши депутаты, дайте место в парламенте!»

Англичане думали, думали и сказали: «Ладно, не платите, только мы введем маленький налог на содержание флота – один пенс пошлины на фунт чая».

И чай, который должен был стоить два пенса за фунт, стал стоить три. Эта фраза «Чай стоит три пенса за фунт» и стала паролем для повстанцев в день знаменитого «Бостонского чаепития». То, что чай стал стоить три пенса за фунт, значило: «Бей англичан!»

Вот таким образом ради сохранения своего этнического стереотипа поведения американские колонисты пошли на политическое отделение, и англичане вынуждены были примириться с потерей богатейшей колонии только потому, что они не могла переступить своего обычая, своих привычек, своих традиций. Ибо ни один член этноса не смыслит, как можно поступать иначе, чем он привык с самого детства».

**Заключение.** Лишь через полтора века стали очевидны те истины, на основе которых вершилась Американская революция: ликвидация колониальной зависимости, устранение феодальных пережитков, утверждение новых принципов и форм организации политической власти. Последнее имело решающее значение. Как заявил в 1792 году Томас Пейн: «Независимость Америки, рассматриваемая только как отделение от Англии, была бы делом небольшого значения, если бы она не сопровождалась революцией в принципах и практике управления» [5, с. 7]. Следует признать, что «разогревающими» факторами преобразований в Америке были не только политические и идеологические, а религиозные (притеснения со стороны англиканской церкви), социальные (очевидная статусная «второсортность» по отношению к жителям метрополии) и экономические (запреты на свободное владение землей, ограничения на торговлю и занятия ремёслами, высокие таможенные пошлины и налоги). Указанные предпосылки имеют мало чего общего с французской ситуацией. Впрочем, как и все остальные.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Черниловский, З.М. Всеобщая история государства и права / З.М. Черниловский. – М.: Юристъ, 1995. – 576 с.
2. Словарь иностранных слов. – М.: Гос. Изд-во Иностран. Нац. Словарей, 1949. – 808 с.
3. Зомбарт, В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека; Художественная промышленность и культура / В. Зомбарт; пер. с нем. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. – 576 с.
4. Зуев, Я. Большой план апокалипсиса / Я. Зуев. – М.: Эксмо, 2012. – 512 с.
5. Лафитский, В.И. Основы конституционного строя США / В.И. Лафитский. – М.: Из-во Норма, 1998. – 272 с.
6. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер; пер. с нем. и прим. И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.
7. Царьков, И.И. «Право» революции / И.И. Царьков // Право и политика. – 2007. – № 1. – С. 10–18.
8. Арановский, К.В. Конституционная традиция в российской среде / К.В. Арановский. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 658 с.
9. Веллер, М. Всё о жизни / М. Веллер. – СПб., 2003. – 752 с.
10. Великая французская революция и церковь (Из декретов революционного правительства) // Атеистические чтения. Вып. 18. – М.: Политиздат, 1989. – 111 с.
11. Кошен, О. Малый народ и революция / О. Кошен; пер. с франц. О.Е. Тимошенко; предисл. И.Р. Шафаревича. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 288 с.
12. Медушевский, А.Н. Теория конституционных циклов / А.Н. Медушевский; Гос. ун-т – Высш. школа экономики. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005. – 574 с.
13. Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б.С. Эбзеев. – М.: Юрид. лит., 2005. – 576 с.
14. Фон Хайек, Фридрих Август. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Фридрих Август фон Хайек; пер. с англ. – М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 1992. – 304 с.
15. Ллойд, Д. Идея права / Д. Ллойд; пер. с англ. – М.: «ЮГОНА», 2002. – 416 с.
16. Новак, М. Дух демократического капитализма / М. Новак; пер. с англ. В.Г. Маргутика. – Минск: «Лучи Софии», 1997. – 544 с.

17. Навіцкі, М. Што такое правы чалавека? / М. Навіцкі // Хэльсінкская фундацыя правоў чалавека. – Варшава, 1999. – 46 с.
18. История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. О.В. Мартышина. – М.: Норма, 2004. – 912 с.
19. Солоневич, И.Л. Народная монархия / И.Л. Солоневич. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2010. – 624 с.
20. Дзюрасаль, Ж.-Б. Еўропа з 1815 года да нашых дзён: Палітычнае жыццё і міжнародныя адносіны / Ж.-Б. Дзюрасаль. – Мінск: Беларускі фонд Сораса, 1996. – 384 с.
21. Исполнительная власть, судебная власть и учредительная власть во Франции: Информационные и учебные материалы / Ж.-Б. Оби [и др.]; под ред. М. Верпо. – М.: Изд. Французской Организации Технического Сотрудничества Посольства Франции в Москве, 1993. – № 8. – 118 с.
22. Булгаков, В. История белорусского национализма / В. Булгаков. – Вильнюс: Ин-т белорусистики, 2006. – 331 с.
23. Сміт, Э. Нацыяналізм у дваццатым стагоддзі / Э. Сміт; пер. з англ. С. Нагорнага; пад рэд. І. Бабкова, У. Рагойшы. – Мінск: Беларускі Фонд Сораса, 1995. – 272 с.
24. Хайніцка, К. Гісторыя палітычных і праўных тэорый / Крыстына Хайніцка, Гэнрык Альшэўскі; пер. з пол. Ул. Маруціка; навук. рэд. Ул. Маруцік. – Мінск: Медысон, 2007. – 312 с.
25. Бёрк, Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию, в письме, предназначенном для парижского дворянина, написанном достопочтенным Эдмундом Бёрком / Э. Бёрк. Текст публикуется по изданию: Эдмунд Бёрк. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. – М.: Рудомино, 1993. – 144 с.
26. Карлейль, Т. Французская революция. История / Т. Карлейль. – М.: Мысль, 1991. – 575 с.
27. Матьез, А. Французская революция / А. Матьез. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. – 576 с.
28. Аннерс, Э. История европейского права (пер. со швед.) / Э. Аннерс. – М.: Наука, 1996. – 395 с.
29. Монтескье, Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
30. Гумилев, Л.Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению / Л.Н. Гумилев. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 384 с.
31. Новгородцев, П.И. Лекции по истории философии права: учения нового времени. XVI–XIX века / П.И. Новгородцев. – 3-е изд., испр. – М.: КРАСАНД, 2011. – 352 с.
32. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избр. произведения: пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
33. Шафаревич, И. Русофобия / И. Шафаревич // Русь многоликая: сб. Публицистика. – М.: Сов. писатель, 1990. – С. 311–356.
34. Бьюкенен, П. Дж. Смерть Запада / П. Дж. Бьюкенен; пер. с англ. А. Башкирова. – М.: ООО «Издательство АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 444 с.
35. История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. чл.-кор. РАН В.С. Нерсисянца. – М.: Издат. гр. ИНФРА-М–КОДЕКС, 1995. – 736 с.
36. Леже, Р. Великие правовые системы современности: сравнительный подход / Р. Леже; пер. с фр. А.В. Грядов. – 2-е изд. перераб. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 592 с.
37. Сийес, Э.-Ж. Что такое третье сословие? / Э.-Ж. Сийес // Аббат Сийес: От Бурбонов к Бонапарту; сост., пер., вступ. ст. М.Б. Певзнера. – СПб.: Алетейя, 2003. – 224 с.
38. Арутюнян, А.А. Конституционализм: проблемы постсоветской реальности: моногр. / А.А. Арутюнян. – М.: Норма, 2013. – 160 с.

Поступила 03.04.2014

## THE PERIOD OF BOURGEOIS REVOLUTIONS AND THE FORMATION OF THE CONCEPT OF THE MODERN CONSTITUTION

A. PUGACHEV

*The reasons, factors and prerequisites of bourgeois revolutions of the XVIII century are considered. Particular attention is paid to the analysis of pre-revolutionary situation: political, economic, cultural, religious, international. In the French events process of deep transformations is considered parallel to carried-out constitutional reforms. Attempt to understand the mechanism of the Jacobin terror, rebirth constitutional ideals and the onset of dictatorship. Explains why the historical situation in North America was totally different from the French. It is shown how the English political tradition influenced succession of events in the USA and France. The conclusion about absolutely different bases of the American and French constitutionalism is drawn. The special emphasis in article is placed on the personal factor characterizing header figures of the studied era.*